

важно, что импульсы, идущие от Гердера и от Оссиана, взаимодействуют в истории русского фольклоризма. Но при этом он остается глубоко самобытным явлением, неотъемлемой частью русской художественной культуры.

Процесс «соединения оссианизма с русской народной поэзией» исследован Ю. Д. Левиным обстоятельно, причем русский оссианизм в его исследовании предстает как сложное и противоречивое явление. В этом плане интересны страницы, посвященные оссианизму Державина и Карамзина. Речь идет о принципиально различной трактовке одного и того же явления, о том, какими неоднозначными могут быть творческие истолкования явлений традиционной художественной культуры.

Ю. Д. Левин внимателен ко всем фактам, характеризующим вхождение оссиановских тем, образов и мотивов в русскую литературу. Это позволяет ему установить своеобразную иерархию фактов, их функциональную роль в истории культуры, литературы, общественного сознания. Он говорит о том, как отношение к Оссиану менялось в связи с изменением представлений о фольклоре и способах воссоздания его своеобразия. В сентименталистском фольклоризме упор делается на безыскусственность народной поэзии, не искаженной цивилизацией. Романтическая концепция выдвигает на первый план проблему национального своеобразия. В этом отношении характерна творческая эволюция Гнедича, сыгравшего, как было установлено еще М. К. Азадовским, выдающую роль в развитии прогрессивных идей русской фольклористики. От общего интереса к народной поэзии к пониманию специфики ее у разных народов — этот путь характеризует развитие русского фольклоризма. В высказываниях Гнедича второй половины 1810-х годов обнаруживаются идеи, предвещающие пушкинские опыты воссоздания интонационных культур.

В рецензируемой книге убедительно решен вопрос о различных этапах и направлениях в русском оссианизме. Одно из этих направлений, как показывает Ю. Д. Левин, восходит к Муравьеву и Карамзину и находит затем свое воплощение в «Золотой арфе» Жуковского (1814). Другое, получившее свое развитие в годы Отечественной войны 1812 г., на новой основе возрождается в декабристской поэзии. Переосмысливая оссиановскую традицию и наполняя ее новым содержанием, декабристы и сам образ шотландского барда представляли по-новому: отличительной его чертой объявлялась не чувствительность, а любовь к отечеству, т. е. гражданский пафос. В произведениях декабристов на оссиановские темы полно и ясно воплотилось новое представление о народном певце-вожде, трибуне, патриоте, герое. Особенно это проявилось в думах и поэмах Рыльева.

Около 1820 г. большинство русских литераторов укрепляются в мнении, что так называемые «поэмы Оссиана» — не что иное, как создание Макферсона. Это оказывает свое влияние на судьбу русского оссианизма, он постепенно утрачивает активную роль в истории русской поэзии.

Рецензируемая книга, безусловно, привлечет внимание историков русской этнографии, фольклористов и культурологов. Она характеризуется основательностью, точностью, мастерством анализа. Следует особо подчеркнуть, что автор владеет разнообразной методикой исследования. Порой, однако, он, пожалуй, излишне осторожен в выводах. Они могли бы с большей силой прозвучать на заключительных страницах работы. В некоторых случаях, несомненно, целесообразно было бы дать параллели из истории оссианизма в других славянских литературах, привлечь более широкий общеславянский контекст. Вместе с тем, разумеется, дело не в формальном подведении итогов. Внимательный читатель извлекает их без труда в ходе изложения обильного и выразительного материала, который весьма корректно демонстрируется автором.

М. Я. Гольберг

НАРОДЫ СССР

В. О. Рукавишников. Население города (Социальный состав, расселение, оценка городской среды). М.: Статистика, 1980. 246 с.

Пожалуй, центральной темой социологических исследований в нашей стране является развитие социальной структуры советского общества. Исследователи уделяют основное внимание классовой и внутриклассовой структуре; значительно меньше изучена территориально-поселенческая структура. Рецензируемая книга в известной степени ликвидирует этот пробел. По содержанию она с полным основанием может быть отнесена к числу этносоциологических работ. Вот что пишет сам автор о задачах своего исследования: «Сложившаяся в городе система расселения — социальная морфология города рассматривается как пространственное отражение взаимосвязи социальных, демографических и этнических характеристик горожан и особенностей городской среды. Выявление системы основных факторов, определяющих социально-пространственную дифференциацию советских городов, а также социологический анализ механизмов, влияющих на этот процесс, — это задачи данного исследования» (с. 4—5). Решение названных задач позволило получить целый ряд новых интересных для этносоциологии результатов и выработать ряд новых подходов. Использованный в работе так называемый «метод факторной экологии» впервые в отечественной науке применялся для изучения этносоциальных проблем. Возникший на стыке географии и социологии в середине 50-х

годов XX столетия, этот метод с самого начала был связан с этнической проблематикой. В книге дается исторический очерк формирования метода факторной экологии (с. 118—124). Сущность его состоит в том, чтобы выявить основные социальные, демографические и экологические факторы, различающие отдельные территориальные ячейки большого города, и на этой основе всесторонне изучить структуру городского поселения. Методической основой факторной экологии является факторный анализ; в качестве эмпирической базы обычно используются материалы переписей населения, статистические данные различных учреждений. В. О. Рукавишников в основном опирался на результаты социологических исследований, проведенных по сходным программам в двух городах Советского Союза — Казани и Таллине. В первом из них он принимал активное участие. Территория изученных городов разбивалась на ячейки, соответствующие избирательным округам. Каждая из них характеризовалась количественными показателями, отражающими социально-экономические параметры среды обитания и населения ячейки: качество жилой площади, степень загрязнения среды, доступность центров коммунальных услуг и культуры, социально-профессиональный, демографический и этнический состав населения (например, доля квартир со всеми удобствами, доля лиц квалифицированного труда среди занятого населения, доля лиц той или иной национальности и т. д.). Матрица данных подвергалась факторному анализу. В результате было выявлено небольшое число факторов, позволяющих исследовать и сравнивать территориальную структуру, или морфологию городов. Принципиальное значение имеет вывод автора о «единственности системы общих факторов, определяющих социально-пространственную дифференциацию крупных советских городов» (с. 156). Важнейшие из них условно называются им «качество жилья», «демографический состав», «социальный состав». Интересно, что этнический состав не выделяется в качестве самостоятельного фактора дифференциации городской территории, в то время как в большинстве американских городов он является одним из основных компонентов факторной экологии. К сожалению, в данном исследовании этнический фактор представлен лишь одним показателем — долей жителей основной коренной национальности. При дальнейшем использовании метода факторной экологии в этносоциологии целесообразно использовать более широкий круг этнических показателей.

Достоинство метода факторной экологии по сравнению с обычным картографированием городской территории состоит в том, что он позволяет проводить комплексный анализ, опираясь не на отдельные признаки, а на их сочетания, соответствующие тому или иному фактору. Можно смело сказать, что опыт применения указанного метода в этносоциологии оказался успешным и дал целый ряд новых для этой науки результатов. Остановимся лишь на наиболее общих выводах.

При изучении с помощью метода факторной экологии крупнейших зарубежных городов (например, Лос-Анжелеса) было показано, что отдельные районы города, как правило, значительно разнятся как по социальному и этническому составу населения, так и по экологическим условиям среды обитания. Более того, все эти факторы оказались в большинстве случаев тесно связанными друг с другом: районы, различающиеся по социальному, как правило, отличаются и по этническому составу, и по характеристикам среды.

Автор рецензируемого исследования делает важный вывод о принципиально иной структуре расселения в советских городах. Конечно, отдельные территориальные ячейки различаются по составу населения и социально-экологическим показателям. Однако ячейки, в которых повышена доля лиц той или иной национальности или социально-профессиональной группы, не образуют компактных районов, а рассеяны по всему городскому пространству. Более того, этнический состав населения ячеек слабо коррелирует с социальными и экологическими их характеристиками. Это позволяет В. О. Рукавишникову сделать вывод о «мозаичной» структуре городских поселений как в этническом, так и в социальном плане. При этом в Казани корреляция между этническим составом, с одной стороны, и социально-экологическими характеристиками — с другой, существенно ниже, чем в Таллине, который значительно позднее оказался в условиях социалистического общества. Этот результат лишней раз подтверждает, какое большое значение имеет социальный строй общества для формирования социально-этнической структуры городов.

В отечественной науке уже неоднократно высказывалась мысль о необходимости развития исторической этносоциологии. Рецензируемая книга, безусловно, является заметным шагом в этом направлении. Используя широкий круг исторических источников, автор предпринимает удачную попытку реконструкции картины расселения социальных и этнических групп на территории изучаемых городов на рубеже XIX и XX вв., когда оба города при всем различии исторических судеб, национального и социального состава имели сходную функциональную нагрузку — являлись крупными губернскими центрами Российской империи. Это обусловило заметные черты сходства в социально-этнической структуре расселения городов, относящейся к так называемому «секторально-концентрическому» типу. При этом, как убедительно показано в работе, решающую роль в расселении играл именно социально-классовый, а не этнический фактор, хотя и различия этнического состава отдельных районов города были достаточно велики. Конечно, нельзя не оценить значимость такого исследования как для этносоциологии, так и для социологии в целом.

Проблемы внутригородского расселения, составляя большую часть книги, не исчерпывают ее содержания. Их рассмотрение основывается на анализе развития социально-профессиональной и этнической структуры городского населения. При этом автор не ограничивается чисто количественным анализом показателей, стремясь раскрыть внутренний механизм протекающих процессов, заметить наиболее перспективные направления их изучения. И хотя далеко не все сюжеты, затронутые в книге, получили закончен-

ное выражение, многие положения автора представляются весьма интересными. Так, подчеркивается необходимость дальнейшего изучения проблемы взаимосвязи «социально-профессиональной группы» (СПГ) и социального слоя как социальной общности людей, сходство в характере труда которых продолжается в чертах их образа жизни (с. 77, 78). Раскрывая соотношение этих понятий, В. О. Рукавишников, наряду с другими социологами, высказывает мысль о необходимости изучения внутренней структуры социальных слоев, в частности выделения «ядра» — совокупности лиц, для которых характерны все основные атрибуты данного слоя, и «групп-прослоек», обладающих ими лишь частично (с. 82—84). Можно не согласиться с подобным использованием термина «социально-профессиональная группа», который, на наш взгляд, чаще употребляется как синоним термина «социально-профессиональный слой». Однако нельзя отрицать актуальности поставленной проблемы. Остается только сожалеть, что, располагая солидным эмпирическим материалом, автор ограничился лишь общей ее формулировкой.

Различия в характере труда, социальных и культурных интересах проявляются и в структуре межличностного общения. Эта проблема исследуется в книге на примере гомо- и гетерогенных в этническом, образовательном и социально-профессиональном плане семей. Материалы этносоциологических исследований анализируются с помощью индексов брачности, предложенных М. В. Птухой и нашедших широкое применение в отечественной социологии, этнографии и демографии. Следует подчеркнуть, что В. О. Рукавишников изучает не браки, заключаемые в течение определенного промежутка времени, а выборочную совокупность семей, отражающую состав всех брачных пар к моменту проведения исследования. Расчет индексов приводит автора к естественному выводу о тенденции к образованию однородных в социальном и этническом отношении семей. Далее автор переходит от раздельного изучения этнических и социальных групп к рассмотрению этносоциальных категорий (например, татары — квалифицированные рабочие, русские — служащие без специального образования). И хотя он делает в этом направлении лишь первые шаги, однако, как нам кажется, их можно рассматривать как подход к изучению закономерностей формирования и воспроизводства этносоциальной структуры, представляющей собой комплексное единство этнической и социальной структур.

Вряд ли в небольшой рецензии мы смогли отразить все сюжеты данной книги, интересные и для этнографа, и для этносоциолога. Да в этом и нет необходимости: внимательный читатель без труда обнаружит множество таких сюжетов в этой работе, выполненной высококвалифицированным и вдумчивым исследователем. Однако, как и в любом большом и в значительной степени новаторском исследовании, далеко не все в нем бесспорно. Один из недостатков — некоторая незавершенность, фрагментарность отдельных линий — уже отмечался нами выше. Можно предъявить претензии и к статистической надежности некоторых результатов. Так, объем выборки в Казани составил 3600 чел. (с. 35), число выделенных для анализа территориальных ячеек — 220 (с. 155). Видно, что среднее число опрошенных в каждой ячейке очень невелико; это снижает надежность оценки доли того или иного признака по каждой ячейке; а ведь полученные данные легли в основу факторного анализа. Вероятно, имело смысл укрупнить единицы, тем более, что территория Таллина разбивалась всего на 23 ячейки, что, по утверждению самого автора, не повлияло на число потенциально возможных факторов дифференциации (с. 156). Представляется, что целый ряд важнейших социально-демографических и экологических показателей целесообразно определять по материалам соответствующих организаций (например, паспортных столов и Отделов загсов, различных отделов райисполкомов и других ведомств), а не выборочных социологических исследований. Не вполне понятной также остается причина, по которой для Казани и Таллина были выбраны разные методы факторного анализа (с. 144, 154).

Как было отмечено в начале рецензии, В. О. Рукавишников ставит очень широкие задачи исследования. В одной работе, даже так насыщенной информацией, как рецензируемая книга, невозможно дать полное решение всех поднятых проблем. В большей степени была решена задача выявления «системы основных факторов, определяющих социально-пространственную дифференциацию советских городов», и в меньшей — задача определения «социальных механизмов, влияющих на этот процесс». Следует ожидать, что автор продолжит исследования в этом направлении. Мы не сомневаемся также, что данная работа, очень интересная по проблематике и результатам, выполненная на высоком научном уровне, привлечет внимание этносоциологов и повлияет на направление их исследований.

А. А. Суколов

А. А. Киселев, Т. А. Киселева. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск, 1979. 160 с.

Рецензируемая книга посвящена саамам Кольского полуострова — одному из малых народов советского Севера, потомкам древнего населения этого края. Как известно, саамы живут в северных районах четырех государств: Советского Союза, Финляндии, Швеции и Норвегии. Общая их численность в настоящее время составляет примерно 36 тыс. чел., в том числе в СССР, по переписи 1979 г., — около 2 тыс.

В странах Скандинавского полуострова и в Финляндии в условиях капиталистического общества жизнь саамов сопряжена со многими трудностями, борьбой за свои права, за сохранение оленьих пастбищ, на которые пагубно действуют сооружение гид-